

Писатель, лауреат многочисленных
литературных премий за сборник
«Бумажный зверинец»

Кен Лю

ДАО-
ЦЗЫ
ДАО
ДЭ
ЦЗИН

Новое прочтение
классического
древнего трактата

Кен Лю

**Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Новое
прочтение классического
древнего трактата**

«Попурри»

2024

УДК 221.3-234+1(510)(091)
ББК 86.342-2+87.3(5Кит)3-205

Лю К.

Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Новое прочтение классического древнего трактата / К. Лю — «Попурри», 2024

ISBN 978-985-15-6506-7

В самый разгар пандемии, когда Кен Лю испытывал внутренний и творческий кризис, он начал читать «Дао Дэ Цзин». Осмысление идей Лао-цзы пробудило в нем желание вновь писать. Так зародилась эта книга. Текст «Дао Дэ Цзин» многозначен и вызывает ощущение незавершенности, поэтому, отказавшись от эрудиции ради ясности, Кен Лю представляет вашему вниманию простой набросок, в котором отражено то, что кажется ему самым ярким в оригинале, а не беспорядочную картину, которая пытается охватить все, но при этом ничего не изображает. Автор приглашает читателя к приятному разговору о книге, являющейся бесконечным источником мудрости. Перевод и примечания он дополнил притчами Чжуан-цзы, чьи фантастические рассказы помогали лучше понять «Дао Дэ Цзин» многим поколениям читателей. Как и оригинал, работа Кена Лю напоминает необработанное дерево, заставляющее разум искать новые смыслы, отказавшись от банальности. Неслучайно он желает читателю оставаться пустым и открытым. Возможно, тогда после тысяч переводов этот тронет вашу душу так, как не трогали другие.

УДК 221.3-234+1(510)(091)
ББК 86.342-2+87.3(5Кит)3-205

ISBN 978-985-15-6506-7

© Лю К., 2024
© Попурри, 2024

Содержание

Часть I. Книга Дао	7
Глава 1. Врата ведущие к чуду	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Кен Лю
Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Новое прочтение
классического древнего трактата

Перевод с английского выполнил *Сергей Борич* по изданию: LAOZI'S DAO DE JING: A New Interpretation for a Transformative Time / Ken Liu. – SCRIBNER.

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.

© 2024 by Ken Liu

© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ООО «Попурри», 2025

Часть I. Книга Дао

Глава 1. Врата ведущие к чуду

Путь, по которому можно пройти, не есть вечный путь; имя, которое можно произнести, не есть вечное имя.

Небытие – начало неба и земли; бытие – мать всего сущего.

Очисти разум от желаний, чтобы воспринять чудеса Дао.

Наполни разум волей, чтобы определить границы Дао.

Эти два понятия вытекают из одного источника и различаются лишь именем: оба они описывают сокровенное, тайну тайн, врата, за которыми скрывается чудо.

Вместо введения

Большинство книг начинается с введения, но здесь я сознательно поместил что-то вроде введения после первой главы.

Вскоре вы поймете, почему я так поступил.

Выше приведен, вероятно, самый известный отрывок из трактата Лао-цзы «Дао Дэ Цзин» (иногда его называют «Книгой Пути и Достоинства»), который содержится в первой главе. Многие люди, ничего не знающие о даосизме, слышали ту или иную версию этого фрагмента. Некоторые считают, что в нем заключена вся философия Лао-цзы.

Путь, по которому можно пройти, не есть вечный путь; имя, которое можно произнести, не есть вечное имя.

Кажется, это именно та цитата, с которой следует начать читать книгу о поиске пути к спокойствию в беспокойном мире.

Но что, если в действительности эта цитата взята не из первой главы?

В 1970-е годы в местечке Мавандуй, расположенном в сердце провинции Хунань – региона с богатым историческим прошлым, берущим начало от самых первых дней существования китайской цивилизации, – археологи раскопали комплекс гробниц, принадлежавших вельможам, которые жили во II веке до нашей эры. В ходе раскопок было обнаружено множество редких артефактов, в том числе одни из самых ранних рукописей книги «Дао Дэ Цзин» (да, именно *рукописей* – в Мавандуе были найдены сразу две версии, написанные на шелковых свитках).

По сравнению с общеизвестным текстом «Дао Дэ Цзин», который изучало большинство читателей последующих эпох, мавандуйские версии содержат множество мелких, но существенных отличий. Самое важное из них заключается в следующем. То, что мы считаем «Книгой Дэ», или второй частью «Дао Дэ Цзин», находится в начале мавандуйских рукописей. В то же время «Книга Дао», которую мы считаем первой частью «Дао Дэ Цзин», следует за «Книгой Дэ». (Кстати, мавандуйские свитки носят название не «Дао Дэ Цзин», а «Пять тысяч слов Лао-цзы».) Таким образом, известная нам первая часть находится в середине книги, а не в ее начале.

Но даже мавандуйские рукописи не самые ранние из известных версий «Дао Дэ Цзин». Первенство у них отобрали фрагменты бамбуковых дощечек, в 1993 году обнаруженные в гробнице в местечке Годянь, которое расположено в нескольких сотнях километров к северу от

Мавандуя. Они датируются примерно IV веком до нашей эры. Написанные красивым шрифтом, характерным для царства Чу в период Сражающихся царств, эти бамбуковые дощечки старше мавандуйских свитков более чем на столетие. Они не соответствуют по структуре ни текстам, обнаруженным в Мавандуе, ни более поздним версиям и, по-видимому, представляют собой компиляцию, которую составляли на протяжении нескольких лет.

Некоторые склонны считать тексты из Мавандуя и Годяня более «аутентичными» и «убедительными», поскольку они якобы свободны от влияния более поздних переписчиков и толкователей. Я с таким мнением не согласен, поскольку даже мавандуйская и годяньская версии были написаны спустя несколько столетий после создания «Дао Дэ Цзин». Известный же нам более поздний вариант, сложившийся за последующие тысячелетия, оброс множеством комментариев и стал источником мудрости для многих поколений читателей и мыслителей, то есть имеет уже собственную убедительную силу.

Как писатель, я прекрасно понимаю проблему изменчивости текстов и бесполезность попыток определить самый «правильный» из вариантов. Каждое из опубликованных мною художественных произведений существует в нескольких версиях и содержит изменения, внесенные в процессе редактирования и публикации. В результате некоторые опечатки и редакторские вмешательства становятся каноническим текстом, а исправления, которые вношу я сам, не успевают попасть в версию для печати. Даже мои окончательные варианты, которые я считаю правильными, часто подменяются переводами, сокращениями, отрывками, пиратскими копиями и даже цензурными изъятиями. Ни один рассказ или роман, который я когда-либо написал, не был опубликован на сто процентов в том виде, в каком я хотел. Таким образом, все аутентичные версии моих книг существуют только в моей голове. И когда я умру, все это исчезнет; останутся только материальные тексты, не претендующие на аутентичность.

То же самое можно сказать обо всем, что было когда-либо написано и размножено в большом количестве экземпляров. Более того, текст как последовательность печатных символов не является истинным носителем содержания. Понимание текста приходит только в тот момент, когда разум читателя наполняет его собственным опытом и ожиданиями, превращая мертвые слова в живую историю, уникальную только для него одного. Процесс чтения всегда представляет собой перевод, редактирование, правку, исправление, переписывание. По-другому не бывает.

Следовательно, заявления об *аутентичности* и *правильности* больше говорят нам о том, кто берет на себя смелость высказывать суждения, чем об истинном положении дел.

Небытие – начало неба и земли; бытие – мать всего сущего.

Очисти разум от желаний, чтобы воспринять чудеса Дао.

Наполни разум волей, чтобы определить границы Дао.

Более правильный подход, как мне кажется, заключается в том, чтобы помнить о постоянном презрении Лао-цзы к красотам языка, которые представляют собой лишь тени и следы живой мудрости. Поэтому неважно, помещена глава в начало, конец или середину повествования, ведь для самого Дао нет ни начала, ни конца, ни середины.

Вот почему, изучая тексты из Мавандуя и Годяня, я не рассматривал их как «более правильные» и не стал менять традиционный порядок глав.

Надеюсь, что впереди нас ожидают новые открытия и нам предстоит изучение новых следов и теней, но главное – это не отыскание вариантов текста, а приближение к Дао.

* * *

Именно обусловленные последними изысканиями изменения в тексте «Дао Дэ Цзин» заставили меня поставить введение после первой главы. Кроме того, я разбросал по всему тек-

сту хронологические пометки, примечания, биографию Лао-цзы, притчи, наблюдения – все то, что обычно содержится в приложениях. Не думаю, что Лао-цзы особенно заботился о соблюдении условностей, ведь иногда, только отложив карту в сторону, мы можем найти верный путь.

Теперь о самом введении. Книга Лао-цзы, написанная две с половиной тысячи лет назад, не нуждается во введении. Однако именно для *этой* версии оно необходимо. На разных языках вышло уже множество изданий «Дао Дэ Цзин». Зачем же потребовалось еще одно?

Я мог бы ответить на этот вопрос, указав на недочеты в существующих переводах. Мог бы подчеркнуть свои достоинства и перспективы как представитель китайской культуры, а также рассказать о разнице между переводом, выполненным уроженцем страны первоисточника, и тем, который выполнен человеком, выросшим в другом государстве. Я мог бы познакомить вас со своей философией перевода, рассказать о влиянии истории и ее колониального периода, о том, что все определяется структурами власти, и о том, что ни один перевод не может быть нейтральным. Я мог бы долго говорить о личном сопротивлении и культурной деколонизации в сфере литературного наследия.

Но я не буду делать ничего из перечисленного, потому что все это не имеет значения ни для меня, ни для вас. И уж конечно, ни для самого Лао-цзы.

Из всех философов, почитаемых миллиардами людей во всем мире, Лао-цзы – самый скромный и вместе с тем самый непонятый. В то время как его современник и единомышленник Чжуан-цзы, с которым Лао-цзы связывали тесные отношения, демонстрировал порой вспышки нетерпения и высокомерия, Лао-цзы никогда не терял спокойствия. Его мысль напоминает поток воды – всепроникающий, податливый, но никогда не давящий и ни в чем не сомневающийся. В основе философии Лао-цзы лежит идея о том, что глупец мудрее самопровозглашенного умного человека, что попытка доказать свою правоту никогда не сравнится с простой жизнью по правде, что стремление доминировать и борьба за власть контрпродуктивны и что лучший способ заставить замолчать тех, кто вам не верит, – это не играть в их игру.

В «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы не считает нужным оправдываться, предвидеть контраргументы, выдумывать силлогизмы, чтобы придать своим прозрениям о космосе налет человеческой рациональности. Почему же те, кто его переводит, должны чувствовать необходимость оправдываться или убеждать выслушать их?

Поэтому и я буду объяснять свои решения только тогда, когда сочту уместным, потому что все они – мои, а не чьи-то еще. Я не буду уснащать этот перевод сносками и глоссариями; не буду приводить список древних и современных ученых, пытаюсь позаимствовать часть их авторитета; не буду излагать свои аргументы о технических и эстетических аспектах перевода, стараясь упредить замечания критиков.

Все попытки доказать свою мудрость, продемонстрировать авторитет, покрасоваться противоречат даосскому взгляду на жизнь. Стремление обосновать свою точку зрения независимо от того, какими намерениями оно продиктовано, порождает сопротивление, спор, агрессию, доминирование. Возможно, в наши дни принято считать, что эти поведенческие реакции всегда уместны и хороши, но на самом деле все обстоит иначе. Они ничуть не помогут вам в понимании «Дао Дэ Цзин».

Лучше я расскажу вам одну историю.

Дело было в самый разгар пандемии. Прошло уже несколько месяцев с того момента, как я написал последнюю строчку. С тех пор как мне исполнилось пять лет, у меня никогда не иссякал запас историй, однако на этот раз мне нечего было сказать.

Моя работа состоит в том, чтобы рассказывать истории о будущем. О том будущем, которое создают своим трудом люди – отнюдь не самые совершенные создания, но стремящиеся к самосовершенствованию, что дает основание верить в них.

Однако пандемия разрушила эту веру. Мне внушала страх не болезнь как таковая, а политическая обстановка. Я видел вокруг себя только бряцание оружием, взаимные обвинения, паранойю, борьбу за власть, призывы к войне. Ложь была самой популярной темой бесед, ненависть вещала самым громким голосом, акты насилия были самыми запоминающимися поступками.

Страны и народы не встали плечом к плечу перед лицом опасности, угрожавшей всему человечеству. Напротив, они увидели в этом возможность разделять и властвовать.

Кто-то, не удосужившись задуматься, опубликовал статью, в которой говорилось, что большое количество смертей в Америке служит признаком того, что Соединенные Штаты готовы к войне. Другой умник размышлял в газете, что американцы азиатского происхождения, возможно, недостаточно «американцы».

И я вдруг неуютно почувствовал себя в собственной стране.

Я не мог писать истории о будущем. Не мог читать истории, написанные другими людьми, потому что все описанные в них события происходили в мире до пандемии. Они не имели отношения к *нынешней действительности*.

Чтобы отвлечься, я пытался заниматься всем чем угодно, кроме написания рассказов. Чинил старые игровые приставки. Водил паяльником по проводам, наблюдая, как медленно оживает мертвый экран, когда застарелый припой, расплавившись, вновь начинает пропускать через себя электричество. Пек хлеб, убивая время на замешивание и формование теста, подобно тому как Измаил¹ убивал время на корабле «Пекод», разминая комки в китовом спермацете. Обучал нейронные сети, скармливая им свои выдумки в надежде – не совсем безумной, – что роботизированная версия моего разума продолжит рассказывать истории о будущем в то время, когда я уже лишусь такой возможности.

А потом взялся читать «Дао Дэ Цзин».

За тысячелетия, прошедшие с момента написания этой книги, она стала неотъемлемой частью китайской культуры и языка. «Дао Дэ Цзин» является источником бесчисленных аллюзий, метафор, устойчивых выражений, идиом. Вырасти китайцем – значит впитать Лао-цзы из окружающего воздуха. Я знал, что управление страной ничем не отличается от приготовления на обед маленькой рыбки, а лучшие сосуды выходят из печи последними. Знал, что идеальное политическое государство строится на афоризмах о горлающих петухах и лающих собаках. Знал, что эти фрагменты взяты из трудов Лао-цзы, хотя никогда не читал «Дао Дэ Цзин». Точно так же в детстве я мог взять в руки пластмассовый череп и воскликнуть: «Бедный Йорик!» – задолго до того, как прочел Шекспира.

Но я никогда не читал эту книгу от начала до конца. Как и в случае со многими другими образцами классической литературы, я полагал, будто знаю ее по различным переводам, цитатам, крылатым выражениям, забытым метафорам.

Я взялся за «Дао Дэ Цзин» от отчаяния. Я читал эту книгу, потому что уже не мог ни читать, ни писать какие-то другие истории. Я читал ее, потому что будущее представлялось мне абсолютно безнадежным. Читал в надежде найти выход из тьмы.

Но я не нашел в «Дао Дэ Цзин» ничего из того, на что надеялся. Лао-цзы – это не тот добрый и мудрый старец из восточных сказок, который так и сыплет ничего не говорящими банальностями. Он резок, но не наносит ран; он праведен, но не осуждает; он надеется, но не приукрашивает действительность.

Корень легкости – вес;
Покой властвует над тревогой.

¹ Герой романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». – *Примеч. перев.*

Может ли властитель десяти тысяч колесниц безразлично относиться к судьбе Поднебесной?

Иногда слова Лао-цзы граничат с банальностью, но лишь потому, что они очень прочно вошли в наше коллективное сознание. Иногда может показаться, будто Лао-цзы провоцирует, троллит нас, но так происходит потому, что он не придает форме выражения большого смысла.

То, над чем не смеются, недостойно того, чтобы считаться истинным Дао.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.